

— Когда, по-твоему, он сможет проснуться?

Каждый раз, когда Егёль ненадолго погружался в сон и снова всплывал на поверхность сознания, он слышал голос своего старшего брата.

— Возможно... вам стоит подготовиться... морально...

Обрывки тихого разговора растворялись, прежде чем он успевал уловить смысл.

Его тело, вступившее в стадию восстановления, требовало только одного — покоя.

Но даже когда сознание Егёля уходило в забвенье, именно голос Халяня каждый раз возвращал его обратно.

— Каково состояние пациента?

— Внутренние повреждения серьёзные... нужно наблюдать за ним ещё некоторое время.

На этот раз ответ прозвучал старческим голосом.

Прошлый раз он помнил — говорила женщина средних лет.

Наверное, врач, — мелькнуло у него.

Единственным постоянным оставался голос Халяня.

Он и правда усерден, — подумал Егёль с лёгкой улыбкой.

Похоже, Чэ Халянь сдержал обещание, данное перед тем, как Егёль потерял сознание.

Его направляющая энергия стабилизировала состояние Егёля, и тело стремительно шло на поправку.

Если так пойдёт и дальше, он вскоре поправится окончательно.

Когда он стоял на грани буйства, Егёль был уверен, что умрёт.

Но после встречи с гидом в нём вновь зародилось желание жить — тихое, но настойчивое.

И теперь у него было так много вопросов, которые он хотел задать старшему брату.

Сколько лет прошло с тех пор, как я умер?

Не похоже, что минули века...

Голос Халяня стал чуть глубже, более зрелым, но всё ещё был голосом молодого человека.

Если бы прошли десятилетия, он не назвал бы меня «Егёлем» так просто.

Он бы решил, что перед ним дальний потомок... или просто кто-то, похожий на него.

Егёль также гадал, как Халянь жил все эти годы — думал ли он когда-нибудь о нём?

Но больше всего его мучил вопрос:

Почему он так спокойно принял моё возвращение?

Только теперь, сквозь туман благодарности и облегчения, это странное ощущение стало отчётливо.

Халянь ведь видел его смерть.

Своими глазами видел, как клинок Лорда Демонической секты пронзил Егёлю грудь.

Выжить тогда было невозможно.

И всё же — Халянь называл его «Егёлем» без малейшего сомнения, без тени колебания.

Лёгкое беспокойство закралось в сердце Егёля.

Но тело его всё ещё оставалось в состоянии, похожем на спячку.

Даже если бы он захотел, не смог бы пошевелить и пальцем.

Разум жаждал есть, заговорить, но всякий раз, когда дремота вновь окутывала его, он покорно поддавался ей.

Бодрствование лишь замедлило бы исцеление.

Мне нужно скорее оправиться... чтобы поговорить со старшим братом.

С этой мыслью Егёль снова позволил себе уснуть.

Возможно, именно это упрямое желание — или простое везение — наконец принесло плод.

Когда он открыл глаза в следующий раз, они и вправду открылись.

На этот раз вместо чёрной ткани на лице лежала белая повязка, мягко прижимающаяся к векам.

Он заметил?

Егёль ведь так и не успел объяснить, что его прошлое безумие было вызвано не страхом, а темнотой.

Как он понял?

Он всё ещё пытался собрать мысли, когда тишину прорезал низкий голос:

— Не двигайся.

В приглушённой тишине комнаты в голосе Халяня слышался лёгкий холодок, от которого по коже Егёля пробежали мурашки.

Впервые он в полной мере осознал, где находится — в мире воинов.

В современной Корее никто не смог бы скрыть своё присутствие от чувств эспера.

Но здесь мастер мог подавить свою энергию настолько, что даже его обострённые инстинкты не ощущали ничего.

— ...Старший брат?

Стоило ему заговорить, как тело пронзил резкий кашель.

Горло, пересохшее после многих дней без воды, болезненно отзывалось на каждое движение. Слезы выступили на глазах.

— О боги...

Халянь быстро поддержал его за спину, приподнимая, мягко растирая ладонью плечи.

— Вот, вода. Я подержу чашу — сначала смочи губы, потом пей медленно.

Мгновение спустя прохладный фарфор коснулся его губ.

Ощущение было странным: рука Халяня, обнимавшая его, была крепкой и уверенной — но чаша, которую он держал, дрожала едва заметно.

Притворяясь, что не замечает дрожи, Егёль послушно смочил губы.

Рот, пересохший, как иссохшее русло реки, умолял о большем, но Халянь наливал осторожно — понемногу, глоток за глотком.

Когда Егёль нетерпеливо облизал нижнюю губу, Халянь тихо произнёс:

— Если выпьешь слишком быстро, тебе станет хуже.

Когда чашка опустела, Халянь убрал её. Лёгкий звон фарфора, коснувшегося пола, мягко отозвался в тишине.

Егёль поднял руку, чтобы снять повязку с глаз — и чтобы стереть влагу с губ, и просто из любопытства, — но прежде чем его пальцы коснулись лица, Халянь перехватил запястье.

Касание было мягким, но непреклонным, словно он держал в руках хрупкий фарфор.

— Я понимаю, тебе неудобно, — тихо сказал он, — но трогать нельзя. Травам нужно время, чтобы подействовать.

— Травам? — удивился Егёль.

— Твои глаза... — голос Халяня понизился до шёпота. — Они в плохом состоянии.

Он замолчал на миг, прежде чем продолжить:

— Когда я нашёл тебя, сосуды в глазах уже полопались. Ты плакал кровью. Врач сказал... ты можешь ослепнуть.

— Понимаю.

Егёль не выглядел встревоженным. В Центре эсперов он видел людей, восстанавливавшихся после куда худшего.

Он вспоминал одного мужчину, у которого заново отросла половина отрубленной руки всего за несколько дней правильного гайдирования гида.

Тот идиот потом даже отжимался перед своим гидом, чтобы похвастаться...

Конечно, медперсонал тут же затащил его обратно в лазарет.

Тогда Егёль счёл это глупостью. Но сейчас, слыша тревогу в голосе Халяня, он почти хотел поступить так же — хоть как-то успокоить его.

Говорили, что после встречи со своим гидом эсперы теряли рассудок — но, по его опыту, выражение «теряли рассудок» было слишком мягким.

— Я скоро буду в порядке, — бодро сказал он.

Менее дисциплинированный эспер мог бы преувеличить своё состояние, лишь бы дольше оставаться рядом со своим гидом.

Но Егёль гордился собой — ответственным, воспитанным эспером, прошедшим весь курс этической подготовки в Центре.

— Дело не только в глазах, — мягко продолжил Халянь. — Когда я нашёл тебя, твоё тело было разрушено — и снаружи, и изнутри. Твои меридианы были разбиты, ци искривлена, не поддавалась восстановлению. Врач сказал, что ничего нельзя сделать.

Голос его дрожал.

— Ни иглокалывание, ни травы, ни духовная энергия — ничто не помогало.

Егёль вспомнил теперь обрывки разговора, которые слышал, когда ещё не мог открыть глаза.

Вот почему врач тогда сказал Халяню «приготовиться».

Если его осмотрели сразу после буйства, неудивительно, что они ожидали худшего.

Даже современная наука так и не смогла до конца понять, чем именно были эсперы.

— Они сказали, что даже великие бессмертные или сам Хуа То не смогли бы тебя спасти...

Слова Халяня осеклись, пропитанные болью.

Егёль почти чувствовал, как скорбь повисла в воздухе между ними.

Это ведь было не впервые, когда он умирал на глазах у старшего брата.

— Со мной всё правда в порядке, старший брат.

Егёль крепко сжал его руку, голос его звучал твёрдо и ясно.

— Я поправлюсь.

Может, он бы меньше тревожился, если бы не тот припадок?

Халянь молчал.

Тишина тянулась так долго, что Егёль невольно подумал:

Он... плачет?

Трудно было в это поверить.

Чэ Халянь из его воспоминаний был героем — благородным, непоколебимым, человеком, перед которым склонялись все.

Если бы только он мог снять повязку и увидеть это лицо сам...

Но тот, кто верит, что его пациент балансирует между жизнью и смертью, никогда не позволил бы ему сделать это.

— Это Куньлунь? — спросил Егёль, меняя тему.

Увидеть — значит поверить. Когда он окрепнет, тревога Халяня наверняка рассеется.

— ...Нет. Это имение в Цинхае.

Голос Халяня звучал спокойно — возможно, слишком спокойно.

Если бы Егёль не вслушивался так внимательно, он, может, и не заметил бы лёгкой заминки перед ответом.

— Ах... — тихо выдохнул Егёль, слегка кивнув.

Это имело смысл.

В мире без вертолётов и канатных дорог поднять лекаря на крутые горы Куньлуна было бы попросту невозможно.

— Конечно... доставить врача в Куньлунь было бы трудно.

У Куньлуна, конечно, был собственный лечебный зал, но, учитывая тяжесть его ран, даже этого было бы недостаточно.

К тому же, как и большинство медицинских павильонов сект, целители Куньлуна специализировались на внешних повреждениях и алхимии, а не на сложных внутренних травмах.

— Тогда... ты сам ухаживаешь за мной, старший брат? — тихо спросил Егёль. — Ты ведь, должно быть, ужасно занят как один из руководителей секты. Мне неловко отнимать у тебя время.

Не то чтобы он действительно собирался отпустить своего гида— как бы тот ни был занят.

Но всё же стоило понять, насколько сильно он ему мешает — и какое положение теперь занимает Халянь.

В конце концов, это тот гид, которого я искал всю жизнь. Следует хотя бы произвести хорошее впечатление.

На его слова, полные мягкой заботы, Халянь ответил твёрдо:

— Нет. Сейчас нет — и не может быть — ничего важнее тебя.

Его голос, холодный, как снег, будто остудил воздух в комнате.

И всё же в ушах Егёля он прозвучал удивительно мягко — почти нежно.

Грудь наполнилась лёгкостью, словно он парил среди облаков.

— Не беспокойся обо мне. Сосредоточься на выздоровлении.

Егёль послушно кивнул. Халянь осторожно уложил его обратно и убрал руку.

— Куда ты идёшь?

Услышав движение, Егёль поспешно потянулся вперёд, нащупывая его, в панике сжимая край одежды.

Одна мысль пронзила его: лишь бы снова не остаться без гида.

— Теперь, когда ты очнулся, мне нужно привести лекаря.

Ах... тревожная привязанность, — подумал Егёль с ироничной усталостью. — Проклятие всех эсперов.

Он замер на миг, потом медленно разжал пальцы.

— Я хочу поскорее поправиться... чтобы вернуться в Куньлунь вместе с тобой, старший брат.

Это была простая, искренняя просьба — и вместе с тем попытка заверить Халяню, что он хочет жить.

Но едва слова сорвались с губ, воздух будто застыл.

Тишина накрыла комнату, глухая и тяжёлая.

Он даже не слышал дыхания.

Я сказал что-то не то? Он не хочет возвращаться, потому что... подозревает?

Пока мысли Егёля лихорадочно путались, тишину нарушил низкий, болезненный голос Халяни:

— Егёль... этот глупый брат... больше не может вернуться в Куньлунь.

— ...Что?

Егёль застыл, внезапно осознав, что упустил очевидное.

А что, если Куньлунь так и не восстановился после нападения?

Он просто считал, что столь великая секта не могла быть уничтожена окончательно.

Но... что, если всё же могла?

Если Куньлунь пал, если его наследие было стёрто — значит, своими неосторожными словами он только что воткнул нож в сердце старшему брату.

Егёль не находил слов.

Халянь смотрел на него спокойно, взглядом, в котором не отражалось ничего — ни гнева, ни

печали, ни покоя.

И лишь спустя мгновение тихо произнёс:

— ...Теперь я торговец.

<http://bllate.org/book/12382/1104348>